

Между тем приходится иметь в виду, что, вероятно, и на Афоне в XI и особенно в XII в. проводилась эллинизация, в особенности в отношении болгарского монастыря. Русский монастырь смог удержаться благодаря поддержке русских князей, но, как свидетельствуют акты его архива, и он во второй половине XII в. не пользовался покровительством византийцев: в эти годы он не получал ни дарений, ни привилегий ни от византийских царей, ни от святогорского протата. Что же касается болгарского монастыря Зографа, характерно, что он вообще не имеет в своем архиве ни одного акта, в котором монастырь назван «болгарским» до царя Асеня II. Этот государь после своей победы над эпирским царем Феодором Ангелом в 1230 г. овладел Святой Горой и дал Зографу грамоту на славянском языке.¹²⁴ Возможно, что только тогда Зограф снова был возвращен болгарам после 200-летнего греческого владычества. Во всяком случае следует подчеркнуть, что ни в Зографе, ни вообще на Афоне славянская письменность не сохранилась в виде непрерывного целого от X в. и что на протяжении всего данного периода до XIII в. мы находим или редкие отдельные памятники, как Зографское евангелие, или случайные отрывки погибших древних рукописей. Таким образом, если в течение XI и XII вв. на Афоне и осуществлялось русско-болгарское сотрудничество в области письменности, то оно, вероятно, было очень скромным и могло иметь лишь местное значение.

Еще более проблематичной представляется мне возможность существования русско-болгарских литературных связей в XI—XII вв. в Константинополе. Там действительно существовала русская колония, по которой получила свое название и особая «Русская улица», и несомненно там были выполнены некоторые переводы греческих произведений на русский. Точно так же известен факт, что Василий II после покорения Самуилова государства переселил многие болгарские и македонские аристократические фамилии в Царьград, где охотно раздавал болгарам разные придворные должности и титулы. Вполне возможно, что в среде некоторых таких болгарских знатных семей занимались литературным трудом и переписыванием старых рукописей, но трудно предполагать, что такие труды могли иметь более широкое значение, в частности для русско-болгарских литературных связей. Документальных подтверждений этого не имеем, и если такие связи в отдельных случаях имели место, то они не отразились на содержании русской письменности XII в.

Наконец, следует учитывать и возможность культурных сношений между южным славянством и Русью в течение XI—XII вв. на западной стороне — через посредство Венгрии, которая в ту эпоху сохраняла кирилло-мефодиевскую литературную традицию и находилась в живых политических сношениях с Русью, особенно в XII в. Еще ближе тогдашняя Венгрия была связана с хорватами и сербами, что позволяет говорить о возможных хорватско-сербских литературных связях с восточным славянством в данный период. Хотя в югославской славистике, в частности в области глаголической письменности, указывалось на отдельные факты, которые могли бы найти свое объяснение в культурных связях с Русью, однако этот вопрос до сих пор широко не ставился и в славянской филологии продолжает господствовать воззрение, сформулированное Н. К. Гудзием: не приходится говорить о литературных связях Киевской Руси с сербами и хорватами,

¹²⁴ М. Ласкарис. Ватопедската грамота на цар Иван Асеня II. — Български старини, кн. XI. София, 1930; первый греческий акт, в котором Зограф назван «монастырь Болгаров», — простагма Никифора Хумна из 1286 г.: Actes de Zo-graphou publiés par W. Regel, E. Kurz et V. Korablev. — Византийский временник, т. XIII. М., 1907, стр. 27—29.